

Джон ФАУЛЗ: И УМОМ, И СЕРДЦЕМ Я — ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ

С известным английским писателем
беседует собственный корреспондент
«ЛГ» и АПН Сергей Воловец

Я шел брать интервью у Джона Фаулза без заранее подготовленных вопросов. Но я добросовестно прочел почти все им написанное — 10 книг за четверть века литературной работы, которые принесли писателю известность и репутацию одного из лучших английских романистов послевоенного поколения. Первый его большой роман «Коллекционер» вышел в 1963 году, последний — «Мантисса» — в 1982-м. Ни один из них не представляет собой легкого чтения, хотя форма романов вполне традиционна.

57-летний Фаулз, невысокий, плотный, неторопливый в движениях и словах, немного застенчивый, спокойно встретил вопрос, как я понимаю, не совсем уместный, когда его предлагают писателю.

— Джон, о чем вы пишете, если говорить о

всех ваших книгах в целом?

— По-моему, источником литературы чаще всего была попытка преодолеть социальную несправедливость, в каких бы формах она ни осуществлялась. Для меня это прежде всего преодоление в человеке архаичного, звериного начала. Темы, фетиши в человеческом сознании, неужество, страх, предрассудки ведут к рецидивам варварства.

Это вовсе не значит, что предыстория и тем более история кажутся мне причиной зла в современном человеке. Наше прошлое, между прочим, — источник искусства, а также школа его восприятия человечеством.

Но когда элементы первобытного прошлого, порожденные борьбой за существование, начинают доминировать в сознании современного человека,

это опасно и для индивидуума, и для общества. Причем линия раздела проходит не между людьми, а в каждом из нас. Об этом я пишу и считаю себя гуманистом.

— Вы как-то назвали одну из своих книг «автопортретом автора в идеях». Но по этому автопортрету трудно составить представление лично о вас. Как давно и с каким жизненным опытом вы пришли в литературу?

— После войны я закончил Оксфордский университет, изучая самую

популярную и по сей день в Англии гуманитарную дисциплину — французский язык и французскую литературу. После этого несколько лет преподавал в Англии, во Франции, в Греции. В конце 50-х годов пробовал себя в поэзии и даже написал книжку стихов. Как видите, мой жизненный опыт невелик, но я думаю, что детальное, достоверное знание любой области человеческой деятельности, ее, так сказать, технологической стороны, не столь обязательно для писателя, как иногда принято думать.

По-моему, с этим отлично справляются кино и телевидение. А для писателя важно другое. Меня гораздо больше интересуют идеи, моральные и политические проблемы.

Возможно, здесь сказывается влияние французской культуры, которую я изучал профессионально. Я люблю Монтеня, Вольтера, Бальзака.

— А из соотечественников?

— Дефо, которого считаю первым английским рассказчиком, Т. Харди, Д. Лоуренса. Из русских писателей люблю Тургенева и Гоголя.

— По возрасту вы принадлежите к писательскому поколению, получившему известность в Англии и за ее пределами под именем «сердитых молодых людей». Вы были «сердитым» в начале своей литературной карьеры?

— Мне кажется, термин был с самого начала неудачным. Большинство так называемых «сердитых» было молодыми людьми с плохим настроением. Неприятие внешних проявлений буржуазной морали быстро себя исчерпало, и многие благополучно вернулись в лоно английского среднего класса. Себя я отношу к социалистам в том понимании, в каком считал себя социалистом, скажем, Бернард Шоу. Я далек от коммунизма, но никогда не приму расхожих доктрин буржуазной идеологии. Когда я слышу применительно к нашему обществу слова «свобода», «равенство», «братство», я всегда думаю о тигре и ягнятах в клетке. Свобода в понимании западных консерваторов означает, что мы все равны в попытках добиться успеха, но если мы его не добились, тем хуже для нас.

Нам не нужно свободы, которая отвергает всякий социальный и экономический контроль над меньшинством, сумевшим добиться пресловутого успеха. Напротив, нам нужно самое суровое ограничение подобной свободы, на которую молится официальный Запад. Ее истинная цель — поддержание такой системы, когда немногие добившиеся успеха сохраняют свою власть и обогащаются. На

мой взгляд, необходимость контроля над такой свободой очевидна. Это, если хотите, биологический или экологический императив.

— В связи с этим встает вопрос о социальной ответственности писателя. Думаете ли вы, что литература должна вмешиваться в жизнь и изменять ее?

— Смотри, о чем мы говорим, о каких масштабах изменений и о какого рода литературе. Известно, что книги, например, о чикагских боях принесли перемены к лучшему в это адское место. Но если говорить о серьезных переменах в мире, то речь может идти лишь о книге, подобной «Капиталу».

Я не думаю, что беллетристика способна существенно изменить жизнь или человеческое общество. Если книга очищает нас, просвещает, помогает взглянуть на мир по-другому — хорошо! Литература имеет дело с такими сложными вещами, которые могут быть выражены только в том единственном виде, в каком это сделано в данном литературном произведении.

Если же принять другой, скажем, научный подход, то знаменитый монолог Гамлета должен был бы начинаться примерно так: «Положение, в котором я оказался, требует от меня внимательно рассмотреть аргументы в пользу и против самоубийства, не упуская из виду, что заявления, которые я сделаю по этому поводу, являются чисто эмоциональными, касаются только меня лично и не могут быть применены к другому индивидууму в другой ситуации».

Литература способна на огромные обобщения.

— В годовщину атомной бомбардировки Хиросимы газета «Гардиан» писала, что тень бомбы ложится на современный роман. Думаете ли вы, что опасность уничтожения человечества в ядерной катастрофе находит адекватное выражение в литературе?

— И умом, и сердцем я — за ядерное разоружение. Писательская профессия учит ясности сознания, способности опереждать опасность. Пусть разоружения, к которому мы должны прийти, требует сильного, правдивого слова, храбрости и разума от всех нас. Храбрости — чтобы пойти по пути разоружения, не пытаясь повернуть назад, и разума — чтобы им руководствоваться. Не страхом, не злобой — только разумом. Все мы сегодня, как когда-то Колумб, стоим перед открытым морем и неизвестностью. Но я верю в духовное здоровье человечества.

— Статистика свидетельствует, что в этом году доля серьезного романа в английской книготорговле составила только восемь процентов. С другой стороны, исследования показывают, что каждый второй покупатель, входящий в книжный магазин, не имеет ни малейшего представления о том, с какой книгой он оттуда выйдет. Ваши кни-

ги рассчитаны на вдумчивое чтение. Как они находят путь к читателю? Чем вы объясняете свой успех у читающей публики?

— Отчасти тем, что в моих книгах, вероятно, меньше чисто английского содержания, чем в произведениях многих моих собратьев по профессии. Особенность положения писателя, пишущего сегодня по-английски, заключается в том, что три четверти его читателей находятся в Америке. Книжный рынок, в силу чисто коммерческих причин, сегодня един для Англии и Соединенных Штатов. Писателю, ориентирующемуся только на английского читателя, добиться успеха труднее.

Кто мой читатель? Могу сказать одно — я не пишу для избранных. Но, вероятно, у моего читателя должен быть определенный уровень образования, потому что я никогда не упрощаю языка. Язык священ.

Ну и, конечно, я считаю себя счастливым. Как на скачках — первой часто бывает не лучшая лошадь.

— По трем вашим книгам сняты фильмы, а роман «Даниел Мартин» указывает на ваше хорошее знакомство с Голливудом.

— Мне нравится лишь один из этих фильмов — «Женщина французского лейтенанта». Что касается Голливуда, то я не знаю другого места, где бы пороки, вызванные культом денег, выпирали так нагло и безобразно, как в Голливуде. Я говорю даже не о тридцати макулатурных фильмах, приходящихся на один достойный, а об атмосфере человеческих отношений.

В одной из своих ранних книг я писал о «монетизации» удовольствий, о неспособности получать удовольствие, кроме как приобретая и покупая. Даже человеческие существа — мужья, жены, дети, друзья — ассоциируются там с ценностями, скорее принадлежащими миру денег, чем миру людей.

— И последний, традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете?

— Это может показаться странным, но сейчас меня увлекла история шейкеров, религиозной группы, отколовшейся около 200 лет назад от квакеров. Мне кажется, в этой древней истории кроется множество вполне современных тем для размышлений.

ЛОНДОН